

МАГІССА

Ізмена
ЛЬВИЦА
УКРАЛА МУЖА

Магисса - Измена: Львица Украла Мужа

<https://litres.ru/74350674>

Аннотация

Светская львица, нафуфыренная и размалёванная, сидела со скучающим видом в своём дорогом авто, ожидая свой трофей.

А трофей – мой муж, мой Андрей. Он метался по комнате, лихорадочно запихивая вещи в спортивную сумку. Рубашки, выглаженные мной вчера. Новые джинсы, купленные на прошлой неделе. Ноутбук с нашими общими фотографиями. Семь лет брака, двое прекрасных детей, совместные мечты, планы, ипотека – все это, оказывается, так легко умещалось в один баул.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Три месяца. Столько длится вечность? Или всего лишь миг? Иногда кажется, что это было вчера – тот серый, промозглый питерский день, когда мир, такой привычный и стабильный, раскололся на тысячи острых осколков.

Я до сих пор помню, как стояла у окна нашей спальни, той самой, где мы когда-то шептались о будущем, и смотрела вниз. Там, у подъезда, нагло сверкая лаком под морозящим дождем, стоял он – белый «Мерседес» последней модели. Хищный, чужой, неуместный в нашем скромном дворе. Символ богатства, которого у нас никогда не было, и символ предательства, которое теперь стало моей реальностью.

А внутри, лениво откинувшись на бежевое кожаное сиденье, ждала она. Виолетта. Идеальная блондинка с глянцевого обложки: безупречная укладка волосок к волоску, губы цвета спелой вишни, чуть презрительно изогнутые, глаза за темными стеклами дорогих очков. Она даже не смотрела на наш дом, скучающе листая что-то в телефоне. Светская львица, терпеливо ожидающая, пока ее... новый трофей... закончит паковать остатки своей прежней, такой надоевшей ему жизни.

А трофей – мой муж, мой Андрей, отец моих детей – как раз заканчивал. Он метался по комнате, лихорадочно, почти панически запихивая вещи в дорогую кожаную спортив-

ную сумку. Фирменные рубашки, выглаженные мной вчера. Новые джинсы, купленные на прошлой неделе. Ноутбук с нашими общими фотографиями. Семь лет брака, двое прекрасных детей, совместные мечты, планы, ипотека – все это, оказывается, так легко умещалось в один объемистый баул.

Звук застегиваемой молнии прозвучал как приговор.

— Анжела, ну хватит! Мы же все решили! — бросил он тогда, даже не подняв на меня глаз. Голос был раздраженным, колючим, будто это я была виновата в его измене, в том, что его поймали с поличным. Его дорогой одеколон, который я сама ему подарила на годовщину, теперь казался удушливым, фальшивым.

— Решили? — ядовито переспросила я, чувствуя, как внутри все сжимается от боли и ярости. Хотелось кричать, бить посуду, вцепиться ему в волосы. — Это ТЫ решил, Андрей! Ты решил променять нашу семью, наших детей, всё, что у нас было, на... на эту разукрашенную куклу! На её деньги, на её блестящую обертку!

— Не начинай! — он поморщился, словно я говорила о чем-то неприличном. — Ты сама всё испортила! Своей... своей предсказуемостью! Обыденностью! Понимаешь? С тобой стало просто скучно! Дом, дети, работа... А Виолетта... она другая! Она живая, яркая! Она ценит меня по-настоящему! Понимает мои амбиции!

Ценит. Какое отвратительное, лживое слово в его устах сейчас. Ценит его возможность тратить её деньги? Его готов-

ность предать? Он метнул на меня последний взгляд – холодный, отчужденный, без тени сожаления, лишь с плохо скрытым нетерпением поскорее убраться отсюда. Схватил сумку. И вышел.

Дверь за ним оглушительно хлопнула, отрезая прошлое, оставляя меня одну посреди разгромленной спальни, в оглушающей тишине, нарушаемой только моим собственным сбивчивым дыханием и тихим плачем детей за стенкой, разбуженных нашей последней, самой страшной ссорой. Я сползла по стене, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Как жить дальше? Одной? С двумя детьми? С разбитым сердцем и зияющей дырой в душе?

Но время – странный лекарь. Оно не стирает шрамы, но учит с ними жить. Миновало три месяца. Рана на сердце все еще ныла тупой болью при неосторожном движении мысли, но уже не кровоточила так отчаянно. Жизнь, как бы банально это ни звучало, продолжалась. Работа спасала – уткнувшись в монитор, я могла на время забыться, погрузиться в мир цветов, шрифтов и линий. Веб-дизайн был моей тихой гаванью, моим маленьким упорядоченным миром, где я сама создавала гармонию, в отличие от того хаоса, что творился в моей личной вселенной.

Дети требовали внимания, любви, заботы, не давая окончательно утонуть в жалости к себе. Аня пошла во второй класс, Макс – в четвертый. Их смех, их объятия, их бесконечные «Мам, а почему?» – вот что держало меня на плаву.

Я сидела за своим рабочим столом в небольшом офисе нашей дизайн-студии, пытаюсь сосредоточиться на макете нового сайта для какого-то модного кафе. Подбирала палитру, пробовала разные шрифты... но мысли то и дело возвращались к счетам, к тому, как объяснить детям, почему папа больше не приходит по выходным, к щемящему чувству одиночества по вечерам.

— Кофе? Как ты любишь, с капелькой молока.

Я вздрогнула и подняла голову. Саша. Он стоял рядом, как обычно, с двумя дымящимися бумажными стаканчиками в руках и своей немного робкой, обезоруживающей улыбкой.

Милый, симпатичный парень из отдела разработки, сидящего через два стола от меня. Светло-русые волосы вечно в легком беспорядке, добрые серые глаза за стеклами очков в тонкой оправе, чуть неуверенная манера держаться. Он начал приносить мне кофе недели через две после ухода Андрея. Просто так. Молча ставил на стол, улыбался и уходил. Маленький знак внимания, который в тот момент казался спасательным кругом. Этот простой утренний ритуал стал островком стабильности в бушующем море моей жизни.

— Спасибо, Саша, ты просто спаситель, — я постаралась улыбнуться как можно искреннее. — Кажется, моя голова сегодня отказывается работать без допинга.

— Всегда пожалуйста, — он поставил стаканчик рядом с моей клавиатурой, задержавшись на секунду дольше обыч-

ного. — Анжел, я тут... ну... подумал... Помнишь, мы трейлер смотрели на ту комедию новую? Ты еще сказала, что сюжет забавный... Может... эээ... может, сходим как-нибудь? Сегодня вечером, например? Или... когда тебе будет удобно? Если ты не против, конечно...

Он теребил край своего свитера, явно волнуясь. Он звал меня еще пару недель назад, робко, почти невнятно. Тогда я вежливо отказалась, сославшись на занятость и детей. Было слишком рано, слишком больно. А сейчас? Что изменилось? Может, ничего. А может, все. Может, пора уже вылезти из этой своей раковины и попробовать просто... жить? Андрей живет своей новой, блестящей жизнью. Почему я должна хоронить себя заживо?

Я сделала глоток ароматного, обжигающе-горячего кофе, собираясь с духом. Сердце вдруг забилося чуть быстрее. Страшно? Да. Но может, стоит рискнуть?

— Знаешь, Саша... — я подняла на него глаза. — Я с удовольствием. Правда. И сегодня вечером — отличная идея. После работы?

Его лицо мгновенно озарилось такой искренней, почти детской радостью, что я невольно улыбнулась ему в ответ. Кажется, я сделала правильный выбор.

— Правда? Здорово! Отлично! — он даже немного подпрыгнул на месте. — Тогда... во сколько? В семь? У кинотеатра? Или я могу заехать?

— Давай у кинотеатра, в семь. Так будет удобнее.

— Договорились! Супер! Тогда... до вечера! — он буквально просиял и, чуть не опрокинув стул на соседнем рабочем месте, поспешил вернуться к себе, оставив меня наедине с дымящимся кофе, недоделанным макетом и совершенно новым, непривычным, но таким волнующим чувством... легкого предвкушения? Словно после долгой, серой зимы вдруг выглянул первый, робкий солнечный луч.

Готовясь к вечеру, я чувствовала себя неуклюжим подростком перед первым свиданием. Перерыла весь шкаф, отбрасывая привычные джинсы, удобные свитера, бесформенные «мамины» платья. Все это напоминало о прошлой жизни, о той Анжеле, которой больше не было. И вдруг наткнулась на него — легкое, струящееся платье василькового цвета, купленное года два назад для какого-то корпоратива и с тех пор висевшее без дела. Примерила. Оно село идеально, подчеркивая талию, о которой я почти забыла, и делая фигуру изящнее. Непривычно. Но... красиво?

Я даже достала косметичку, стряхнув с нее пыль. Неуверенно провела тушью по ресницам, тронула губы блеском. Потом достала туфли на небольшом, устойчивом каблуке. Сто лет их не носила! Надеть? Или все-таки привычные балетки? Нет, сегодня — каблуки. Хотя бы ради эксперимента.

— Мам, ты куда такая красивая? Как принцесса! — Анечка, моя семилетняя егоза, смотрела на меня во все глаза, пока я в последний раз крутилась перед зеркалом в прихожей.

— Ух ты! А платье какое! Дядя Саша точно обалдеет! — Макс, мой девятилетний всезнайка, тут же выдал свою экспертную оценку.

— У мамы сегодня... небольшая встреча по делам, солнышки, — попыталась соврать я, но щеки предательски запылали.

— Анжелочка, доченька, ну может, не надо? — из кухни, вытирая руки о передник, вышла мама. Её лицо выражало тихий укор и вечную надежду на чудо. — Андрюша ведь звонил сегодня! Спрашивал про детей, голос такой... потерянный. Он же одумается, вот увидишь! Мужчины, они такие... оступаются, но семья — это святое! А ты сразу... с другим... Подумай о детях!

— Мам, пожалуйста, не начинай! — голос сорвался. — Андрей свой выбор сделал три месяца назад. Я иду в кино. С Сашей. Он просто друг. И коллега. Всё. Бабушка сегодня главная, слушайте её. Я постараюсь не поздно.

Я быстро поцеловала детей на прощание, стараясь не замечать маминых вздохов и многозначительных взглядов, и буквально вылетела из квартиры, пока меня окончательно не задавили чувством вины. Сердце колотилось как сумасшедшее. Первое "первое свидание" за семь лет... Господи, да я просто иду в кино! Успокойся, Анжела!

Комедия оказалась на удивление смешной и доброй. Мы с Сашей сидели рядом в полутемном зале, иногда наши руки случайно соприкасались, когда мы тянулись за попкорном, и

я чувствовала, как по телу пробегает легкая электрическая искра. Мы смеялись над одними и теми же шутками, переглядывались, и стена неловкости между нами постепенно таила.

После сеанса он предложил немного пройтись. Вечерний город встретил нас прохладой и огнями витрин. Мы шли по набережной, болтали о всякой ерунде – о фильме, который только что посмотрели, о странных клиентах на работе, о любимой музыке. Я даже рискнула рассказать пару забавных историй про Макса и Аню, и Саша слушал с таким неподдельным интересом и теплой улыбкой, что я почувствовала, как оттаивает что-то внутри. С ним было легко и спокойно. Никакого напряжения, никаких обвинений, никакой драмы. Просто нормальное человеческое общение, по которому я так соскучилась.

— Ты сегодня очень красивая, Анжела, — сказал он как-то особенно тихо, когда мы подошли к моему дому. Фонарь освещал его лицо, и я видела искреннее восхищение в его серых глазах. — Это платье... оно невероятно тебе идет. Подчеркивает цвет глаз.

— Спасибо, Саша, — я смущенно опустила ресницы, чувствуя, как приятное тепло разливается по телу. Черт возьми, как же давно я не слышала таких простых, но таких нужных слов!

Он помялся у подъезда, переступая с ноги на ногу, явно собираясь с духом. А потом, чуть наклонившись, очень осто-

рожно, почти невесомо коснулся моих губ своими. Поцелуй был коротким, нежным, немного неуверенным, как первый весенний цветок, пробивающийся сквозь тающий снег. Не было страсти, огня, но было что-то другое – теплота, искренность и какая-то робкая, трогательная надежда.

— Спокойной ночи, Анжела, — прошептал он, отстранившись.

— И тебе... спокойной ночи, Саша, — мой голос прозвучал чуть сдавленно.

Я смотрела ему вслед, пока его фигура не растворилась в вечерней темноте. На душе было удивительно легко и... светло. Словно кто-то включил маленькую лампочку в темной комнате. Может быть, это и правда новое начало? Робкое, неуверенное, но такое желанное.

Я достала ключи, улыбаясь своим мыслям. Сейчас тихонько зайду, дети наверняка уже спят, мама дремлет перед телевизором...

Но едва я провернула ключ в замке, как до меня донеслись голоса из гостиной. Мамин, взволнованный, и... второй. Мужской. Тот самый, который я надеялась больше никогда не услышать в стенах этой квартиры. Холод пробежал по спине, смывая остатки тепла от Сашиного поцелуя.

Я толкнула дверь и вошла в гостиную. И замерла на пороге, чувствуя, как кровь стынет в жилах.

На НАШЕМ диване, развалившись так, словно он никуда и не уходил, сидел Андрей. Перед ним на столике стояла

чашка с недопитым чаем. Рядом сустилась мама, подкладывая ему печенье на блюде.

— О, Анжелочка, ты как раз вовремя! Вернулась... с деловой встречи! — Мама всплеснула руками, её лицо сияло от радости и праведного торжества. — А у нас тут гость дорогой! Андрюша пришёл! Представляешь, какая история! Его эта... змея подколодная... Виолетта... выставила за дверь! Представляешь?! Сказала, что он ей больше не нужен, наигралась! Вот же дрянь! Я же тебе говорила, Анжелочка, говорила, что он вернется! Он всё понял, всё осознал! Семья — это главное! Правда ведь, сынок?

Андрей медленно поднял на меня глаза. В них не было ни раскаяния, ни вины, как я ожидала. Только какая-то мрачная усталость, раздражение и... привычная, въевшаяся в кожу наглость собственника, который пришёл забрать то, что считает своим по праву.

— Привет, Анжел, — он криво усмехнулся, откидываясь на спинку дивана. — Да, вот так вот... бывает. Не срослось у нас с ней. Я тут подумал... может, я пока у тебя поживу? Ну, временно... пока что-нибудь не найду приличное... Ты же не выгонишь? Вещи-то мои, вроде, еще здесь, некоторые?

Глава 2

Улыбка, еще теплившаяся на губах после нежного прощания с Сашей, мгновенно застыла, стоило мне перешагнуть порог гостиной. Легкость и робкая надежда, окрылявшие меня всего пару минут назад, испарились без следа, словно утренний туман, сменившись ледяным, парализующим ознобом, пробравшим до самых костей.

Вот он. Сидит. На моем диване, в моем доме – том самом, который он с такой легкостью и без малейшего сожаления покинул три месяца назад. Сидит, развалившись, нога на ногу, с чашкой чая в руке, будто и не уходил вовсе, будто это просто очередной обычный вечер в нашей когда-то общей жизни. А рядом, как верная служанка при заблудшем господине, суетится моя мама, подкладывая ему на блюдечко домашнее печенье, которое пекла сегодня с детьми. Для нас.

— Андрей, — голос прозвучал глухо, отстраненно, почти безжизненно. Я сама себя не узнавала. Внутри все бурлило, клокотало от ярости, обиды, унижения, но наружу прорывался лишь этот пустой, выхолощенный звук. — Что ты здесь делаешь?

Он лениво, с какой-то оскорбительной неспешностью повернул голову. Его взгляд – тот самый, карий, когда-то любимый – скользнул по мне сверху вниз, цепко, оценивающе. Задержался на васильковом платье, которое я так долго вы-

бирала, на туфлях на каблук, на волосах, которые я сегодня даже попыталась уложить, на едва заметных остатках блеска на губах, которые еще помнили робкий поцелуй другого мужчины. Уголки его рта медленно поползли вверх, изгибаясь в кривой, ядовитой усмешке.

— Мы тебя заждались, — он проигнорировал мой прямой вопрос, его голос сочился неприкрытой насмешкой. Он прекрасно видел мое состояние — легкий румянец, блестящие глаза, ту самую ауру женщины, возвращающейся с приятного свидания. И это его явно забавляло. Или злило? — Вижу, вечер удался? Платье новое? Каблочки... Макияж... Не знал, Анжела, что у тебя теперь такие важные деловые встречи по вечерам проходят, что требуется так... наряжаться. Или это новый корпоративный стиль в твоей скромной дизайн-конторе? Может, клиентам теперь принято декольте демонстрировать для успешных переговоров?

Каждое слово било наотмашь, точно рассчитанный удар под дых. Он всегда умел находить самые болезненные точки, самые уязвимые места, бить по самооценке, по только-только зарождающейся уверенности в себе. Теплое смущение от комплиментов Саши мгновенно сменилось жгучим, унижительным стыдом, который тут же переплавился в обжигающий гнев. Щеки запылали огнем. Хотелось вlepить ему пощечину, закричать, выгнать вон, но я лишь крепче сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Анжелочка, доченька, ну что ты так сразу, с порога?

— вмешалась мама, ее голос был полон укора, направленно-го, разумеется, на меня. Она поспешно подлила Андрею еще чаю, поставила перед ним вазочку с конфетами. Классическая картина: женщина защищает «своего» мужчину, даже если он последняя сволочь. — Андрюшенька же нам все-все рассказал! Представляешь, его эта... эта хищница... Виолетта... ну просто вышвырнула! Как ненужную вещь! Представляешь?! На улицу! Вечером! Сказала, что нашла себе кого-то помоложе и побогаче! Ну не стерва ли, а?! А он ведь куда пришел, Анжел? К нам! Домой! Он понял, наконец, где его настоящая семья, где его любят и ждут несмотря ни на что! Мы же семья, Анжелочка!

— Мама, пожалуйста, перестань! — я резко оборвала ее тираду, чувствуя, как внутри все переворачивается от этой фальши и несправедливости. — Его «дом» был там, с НЕЙ, все эти проклятые три месяца! Он сделал свой выбор! А это — МОЙ дом! И дом ЕГО детей, которых он без зазрения совести бросил! И я не позволю ему просто так сюда заявиться, когда ему вздумается, словно это какая-то перевалочная база или гостиница! Андрей, — я перевела ледяной взгляд на него, — будь добр, собирай свои вещи, которые ты тут случайно оставил, и уходи. Немедленно. Прямо сейчас.

Я изо всех сил старалась говорить твердо, властно, показать, что хозяйка здесь я, но голос все равно предательски дрожал. Вся ситуация была чудовищно абсурдной, гротескной, унижительной до дрожи. Мужчина, растоптавший мою

жизнь, теперь спокойно сидел на моем диване, попивая чаек с печеньками, а моя собственная мать, мой самый близкий человек, уговаривала меня проявить милосердие и принять его обратно с распростертыми объятиями.

— Анжел, ну ты чего? Куда я пойду-то сейчас? Посмотри на часы, — Андрей мгновенно сменил тактику. Насмешливая ухмылка исчезла с его лица, сменившись выражением вселенской усталости, обиды и растерянности. Он снова включил режим «бедного, несчастного мальчика», которым мама так привыкла его видеть и жалеть. — Ночь на дворе. Виолетта... она же психопатка! Забрала все ключи, карточки мои банковские заблокировала... У меня даже мелочи на такси нет, представляешь? Ты же не выставишь меня на мороз, в дождь? Я же отец твоих детей, Анжела! Подумай о них... Представляешь, как они обрадуются, когда проснутся утром и увидят папу? Мы же можем хотя бы одну ночь... сделать вид, что все нормально? Ради них?

— Дети? Ты смеешь вспоминать о детях?! — ядовитая горечь подступила к горлу. — Где ты был, Андрей, когда Макс почти неделю лежал с высоченной температурой, а я с ума сходила от страха и усталости?! Где ты был, когда Анечка рыдала навзрыд, потому что папа клятвенно обещал прийти на ее первое выступление в танцевальной студии и... просто не пришел?! Забыл?! Не смей прикрываться детьми, слышишь?! Это низко даже для тебя!

— Я знаю... знаю, что виноват во всем, — он картинно

опустил голову, плечи его поникли. Мастер перевоплощения. — Был полным идиотом, слепцом... Гнался за мишурой, за этим блеском, деньгами, легкой жизнью... А все это оказалось... пустышкой. Пылью. Только сейчас, когда все рухнуло, я понял, что по-настоящему важно. Наша семья... ты... Макс, Анечка... Пожалуйста, Анж, дай мне шанс. Не остаться навсегда, нет... Просто... просто одну ночь. Переночевать на диване. Я тихонько, никому не помешаю. А завтра... завтра я обязательно что-нибудь придумаю. Слово даю. Пожалуйста, Анжела.

Он поднял на меня глаза — те самые, глубокие, карие, в которых я когда-то тонула без остатка. Теперь в них плескалась холодная, расчетливая мольба. Он точно знал, на какие струны моей души надавить. И мама, стоявшая рядом, как живой укор, смотрела на меня своими полными слез глазами: «Ну как ты можешь быть такой жестокой? Таким бессердечным чудовищем?»

И тут, как по заказу, в дверях гостиной показались две заspanные фигурки в пижамах. Макс тер кулачком глаза, Аня крепко сжимала в руке своего плюшевого зайца. Они были разбужены нашими голосами, спорившими на повышенных тонах.

— Мама? Папа? — Макс недоуменно уставился на отца, сидящего на диване. Аня, увидев его, просияла.

— Папочка! Ты приехал! Ты вернулся! — с этим радостным криком она бросилась к нему через всю комнату. Макс,

секунду поколебавшись, последовал за ней.

Андрей мгновенно преобразился. Маска страдальца слетела, сменившись лучезарной улыбкой любящего отца. Он подхватил обоих детей на руки, закружил их в объятиях, осыпая поцелуями и громкими восклицаниями.

— Мои родные! Мои котята! Как же я по вам скучал! Ужасно скучал! Конечно, папа вернулся! Папа больше вас никогда-никогда не бросит! Слышите? Никогда!

Всё. Это был конец спектакля. Мат. Я была поймана в ловушку, из которой не было выхода. Выгнать его сейчас? На глазах у детей, после такой душераздирающей сцены воссоединения? Заставить их снова плакать? Я не могла. Физически не могла причинить им еще большую боль. Он это прекрасно понимал. И мама это понимала, её лицо светилось тихим триумфом.

— Хорошо, — слова дались мне с огромным трудом. Я чувствовала себя совершенно разбитой, опустошенной, преданной дважды — им и собственной матерью. — Одна. Ночь. Только одна. На этом диване. А завтра утром, Андрей, чтобы духу твоего здесь не было. Ты меня понял? Это последний раз.

— Спасибо, Анжел! Спасибо тебе, родная! Я знал! Я всегда знал, что у тебя доброе сердце! Что ты не такая, как... как некоторые! — он просиял еще ярче, продолжая тискать детей, словно только что одержал великую победу в важной битве. И он ее одержал.

Мама облегченно выдохнула и тут же засуетилась, пошла на кухню за чистым постельным бельем для «бедного, несчастного мальчика». Вероятно, еще и ужин ему сейчас разогреет.

Я молча, не глядя больше ни на кого, развернулась и пошла в свою спальню. Единственное место в этой квартире, которое еще оставалось моим личным пространством. Плотно закрыла за собой дверь и рухнула на кровать прямо в платье и туфлях, закрыв лицо руками. Легкость, надежда, ощущение полета, которые подарил мне этот вечер с Сашей, рассыпались мелкой пылью, оставив после себя лишь горький привкус разочарования и бессилия. Хаос вернулся в мою жизнь так же стремительно, как и ушел на несколько коротких часов. Прошное вцепилось в меня своими костлявыми пальцами, не желая отпускать, напоминая, что я все еще его пленница.

В кармане тихонько завибрировал телефон. На экране высветилось сообщение от Саши: «Вечер был замечательный ## Спасибо тебе! Надеюсь, дома все спокойно? Сладких снов, Анжела ☆☆☆»

Я смотрела на эти простые, теплые слова, и слезы сами собой хлынули из глаз. Слезы злости, отчаяния, обиды на весь мир и на себя саму. Спокойно? О, если бы он только знал, в какой ад я вернулась! Какой разительный, чудовищный контраст между его светлым, спокойным, предсказуемым миром и тем удушливым, вязким болотом, в которое меня снова и

снова затягивало мое прошлое. Сладких снов... Нет. Сегодня их точно не будет. Будет долгая, бессонная ночь, полная тревожных мыслей и тяжелых предчувствий. А завтра... завтра снова придется бороться. За себя, за детей, за право на новую, другую жизнь. Жизнь без него.

Глава 3

Утро обрушилось на меня не мягким светом сквозь щели штор, не тишиной и запахом вчерашнего питерского дождя, а нарочито бодрым, приторно-веселым смехом из кухни. Смехом, который полоснул по нервам хуже заточенного лезвия. Я лежала на своей кровати, васильковое платье, ставшее за ночь символом не сбывшейся надежды валялось на полу как какая-то тряпка.

Я чувствовала как холод пробирается под кожу, несмотря на тонкое одеяло. Кошмары, где Андрей то умоляюще ползал у моих ног, то с триумфом уводил Виолетту из нашей спальни, сплелись с реальностью в вязкий, удушающий ком, оставляя во рту металлический привкус горечи и пепла.

Собрав остатки воли в кулак, я заставила себя сползти с кровати. Ноги были ватными, словно налитыми свинцом, голова раскалывалась от тупой, ноющей боли. В мутном зеркале шкафа отразилась бледная, осунувшаяся женщина с темными провалами под вчера еще сиявшими глазами – призрак той, кем я была всего двенадцать часов назад. Натянула привычные, потертые джинсы и бесформенный серый свитер – свою старую, верную броню от безжалостного мира.

Кухня встретила меня декорациями из плохого спектакля под названием "Счастливая семья воссоединилась". Андрей, в моей (!) старой футболке с растянутым воротом, которую я

давно списала в утиль и убрала в самый дальний ящик, стоял у плиты. С видом заправского шеф-повара из глянцевого журнала он ловко подбрасывал на сковороде золотистые, ажурные блинчики.

Запах ванили и жареного теста, когда-то уютный и домашний, теперь казался удушливым и фальшивым. Те самые блины, которые я так любила в первые годы нашей жизни, когда еще верила в сказку, и которые он потом годами отказывался готовить под предлогом "не умею", "руки не оттуда", "не мужское это дело".

Дети, мои ничего не подозревающие Макс и Аня, сидели за столом, болтали ногами и уплетали эти самые блины, щедро политые сгущенкой, их лица светились неподдельным восторгом. Они смотрели на отца, как на вернувшегося с войны героя, ловя каждое его слово, каждый жест.

А мама... Мама сидела рядом, разливая чай, сияя, как начищенный до блеска пасхальный самовар, и заботливо подкладывала ему на тарелку самые румяные блины, демонстративно не замечая моего появления. Идиллия. Тошнотворная, вымученная, фальшивая идиллия, построенная на обломках моей жизни и моего сердца.

— О, Анжелочка, проснулась? Как спалось принцессе? Голова не болит после вчерашних... эээ... деловых встреч? — он обернулся, и его карие, когда-то любимые глаза скользнули по мне с плохо скрытым торжеством и едкой насмешкой. Он прекрасно видел мое состояние, мой серый свитер,

мое окаменевшее лицо. — А мы тут... — он сделал паузу, наслаждаясь моментом, — семейную идиллию восстанавливаем. Дети просили блинов с утра пораньше, представляешь? Пришлось вспоминать бабушкин рецепт. Ты же не против, дорогая?

"Дорогая". Это слово из его уст сейчас звучало как плевок. Как яд на кончике ножа, которым он методично ковырял мою рану. Я промолчала, стиснув зубы, и двинулась к кофеварке. Налить себе кофе – черный, обжигающе-крепкий, без капли примирительного молока. Молчание и кофеин – единственное оружие, которое у меня оставалось против этого утреннего фарса. Маленький акт неповиновения.

— Мам, папа так здорово готовит! Лучше тебя! — выпалила Аня, измазанная сгущенкой и счастьем, совершенно не замечая повисшего в воздухе напряжения.

— Ага, пусть он теперь всегда нам готовит! И еще котлеты! — деловито подхватил Макс, уже прикидывая выгоды отцовского присутствия.

Андрей самодовольно ухмыльнулся, принимая детскую похвалу как должное. Мама тут же поджала губы и бросила на меня укоризненный взгляд, полный немого осуждения: "Вот видишь, как детям хорошо, как они счастливы! А ты все дуешься, эгоистка!".

Дорога на работу, сквозь утренние пробки и серую морось, показалаась глотком почти свежего воздуха. Студия, с

ее привычным гулом компьютеров, тихим шелестом бумаги и вездесущим запахом кофе, на мгновение вернула иллюзию порядка и контроля. Но лишь на мгновение. Едва я опустилась в свое кресло и включила компьютер, как рядом, словно из-под земли, выросла новая фигура. Высокий, широкоплечий, одетый в идеально сидящий костюм, с модной небрежной укладкой и обезоруживающей, чуть хищной улыбкой на холеном лице.

— Анжела? Та самая Анжела? Дизайнер, чьи макеты заставляют конкурентов плакать от зависти? Наслышан, слышан! Весьма! Дмитрий, — он протянул руку, его пожатие было крепким, уверенным, почти властным. От него волной исходил запах дорогого парфюма – смесь цитруса, дерева и неуловимой терпкости. И еще – аура абсолютной самоуверенности. — Новый менеджер проектов. Прислан наводить здесь шорох, порядок и вдохновлять скрытые таланты. Хотя, судя по вашему портфолио, которое я имел удовольствие изучить вчера вечером, вдохновлять вас особо и не надо, вы и так – чистый гений. Но... — он окинул меня быстрым, цепким взглядом, который, казалось, проникал под одежду, под кожу, и задержался на лице, — вид у вас сегодня... скажем так, требует немедленной арт-терапии. Или хотя бы хорошего кофе и искреннего комплимента. Кстати, глаза у вас совершенно потрясающие, цвета грозового неба. Даже эта вселенская усталость не может их скрыть. Такую богиню дизайнера, Анжела, надо на руках носить и пылинки сдувать, а не

доводить до синяков под глазами! Кто посмел обидеть художника?

Я растерянно моргнула, чувствуя, как против воли на щеках проступает румянец. Такой неприкрытый, нагловатый напор одновременно и раздражал, и... будоражил? В этот момент, как по заказу, рядом неслышно возник Саша со своим неизменным картонным стаканчиком. Увидев Дмитрия, так близко стоящего у моего стола, он как-то сразу сник, потускнел, его обычная робкая, милая улыбка стала еще более неуверенной и почти виноватой.

— Привет, Анжел... Кофе... как ты любишь... — он протянул мне стаканчик, его голос прозвучал глуше обычного, и он старательно избегал взгляда Дмитрия.

— О, коллега, уже опередили? Мое почтение вашей расторопности! — Дмитрий обернулся и добродушно, но ощутимо хлопнул Сашу по плечу, отчего тот едва не выронил драгоценный напиток. — Забота о прекрасных дамах — дело святое, похвальное! Но не забывайте, иногда им нужен не только кофеин для работы мозга, но и заряд позитива для блеска глаз! Учитесь, молодой человек, пока я добрый! — он подмигнул мне с видом заговорщика и широким шагом направился к своему кабинету, оставив после себя шлейф дорогого парфюма, легкое головокружение и звенящее, неловкое напряжение в воздухе.

Саша выглядел откровенно расстроенным и подавленным.

— Этот... Дмитрий... он какой-то... слишком напористый, — пробормотал он, ставя кофе мне на стол. Его пальцы на мгновение коснулись моих, и я ощутила знакомое тепло. — Ты как? Выглядишь очень уставшей. Это все... из-за... него? Из-за Андрея?

Как он узнал? Я молча кивнула, не в силах подобрать слова. Наглое обаяние Дмитрия было похоже на опасный аттракцион, от которого захватывает дух, но тихая, искренняя поддержка Саши – на спасательный круг в бушующем море.

Весь день мысли метались, как обезумевшие птицы в клетке. Работа не шла, строки кода и слои в фотошопе расплывались перед глазами. В голове стучало: ложь, ложь, ложь. Андрей лжет. Он не был на улице. Он не был без денег. Он играл спектакль. Но зачем? Мысль о том, что он просто так разыгрывает драму, не давала покоя. Должна быть причина. Более веская, чем просто желание вернуться к домашним котлетам.

Вечером, возвращаясь домой, я чувствовала себя идущей на эшафот. Мама встретила меня подчеркнуто холодным молчанием, дети – рассказами о том, какой папа замечательный и как он обещал им поездку в Диснейленд (Диснейленд! Человек, у которого якобы нет денег на метро!). Забирая его куртку из прихожей, чтобы убрать подальше с глаз (мама опять повесила ее на самое видное место, как знамя победы), я непроизвольно, словно повинуюсь какому-то внутрен-

нему чутью, сунула руку в боковой карман. Пальцы наткнулись на жесткий, сложенный в несколько раз бумажный прямоугольник. Сердце ухнуло и замерло. Я вытащила его. Чек. Из очень дорогого бутика мужской одежды на Невском. Кашемировый джемпер. Сумма – с тремя нулями, больше моей месячной зарплаты. И дата – вчерашний вечер. Тот самый вечер, когда он, по его словам, приполз ко мне "на улицу, без копейки", обобранный и униженный "стервой Виолеттой".

Кровь ударила в виски, застучала молоточками. Я стояла посреди прихожей, окаменев, сжимая в руке этот маленький клочок бумаги – неопровержимое, наглое доказательство его бесстыжей лжи.

Когда он, насвистывая какой-то мотивчик, вернулся с очередной "прогулки с детьми" (читай – сеанса активной промывки мозгов), я не сказала ни слова. Просто молча протянула ему чек.

На долю секунды на его лице промелькнуло что-то похожее на панику, глаза быстро метнулись к маме, которая тут же материализовалась за моей спиной, как верный телохранитель. А потом его лицо исказилось знакомой, уродливой гримасой ярости.

— Ты что, роешься в моих вещах?! Совсем с ума сошла от ревности и безделья?! Или твой новый хахаль-программист, этот очкастый недоумок, научил шпионить за законным мужем?! — заорал он так, что зазвенели стекла в серванте, вырывая чек у меня из рук и комкая его в кулаке. — Да, я

купил себе джемпер! Один! Единственный! Потому что эта тварь Виолетта вышвырнула меня буквально в чем мать родила! Мне что, в рванье ходить прикажешь?! Побираться?! А ты, вместо того чтобы поддержать мужа, отца своих детей, в трудную минуту, устраиваешь обыски и допросы, как последняя истеричка! Параноик! Ты сама все разрушила своей тупой подозрительностью и скандалами, а теперь ищешь любой повод, чтобы меня унижить и выгнать!

— Анжелочка, доченька, да как тебе не стыдно! Как язык поворачивается! — тут же заголосила мама, бросаясь на защиту своего "бедного, несчастного мальчика", словно амбразуру закрывая грудью. — Человек в такой беде, так страдает, а ты ему чеками в лицо тычешь! Мерзко! Совсем сердца у тебя нет! Каменная ты!

Газлайтинг высшей пробы. Виртуозный. Я – виновата. Я – истеричка. Я – параноик. Я – бессердечная. Я смотрела на них двоих – на своего изворотливого, лживого мужа и на свою добровольно ослепленную мать – и чувствовала, как внутри все покрывается толстой коркой льда. Хотелось кричать до хрипоты, бить посуду о стену, вышвырнуть их обоих вон – его, предателя, и ее, слепую пособницу его лжи. Но крик застрял в горле ледяным комом. Я смотрела на их искаженные праведным гневом лица – его наглое, ее – обиженное до слез, – и вдруг почувствовала не только ярость, но и странную, отстраненную ясность. Они играли свои роли в этом уродливом спектакле, и им было совершенно все

равно, что чувствую я. Им нужна была моя реакция – слезы, истерика, скандал – чтобы снова обвинить меня, снова выставить виноватой.

И я не дала им этого удовольствия.

Медленно, очень медленно, я подняла на Андрея глаза. Взгляд был холодным, тяжелым, без тени прежней боли или растерянности.

— Врешь, — сказала я тихо, но так отчетливо, что оба замерли. — Ты все врешь, Андрей. С первого слова, как переступил порог моего дома. Зачем ты здесь на самом деле?

Он отшатнулся, словно я ударила его. Маска праведного гнева на мгновение сползла, обнажив растерянность и... страх? Но лишь на мгновение.

— Я же сказал! — снова взвился он. — Потому что это мой дом! Моя семья! Потому что я люблю тебя и детей, дура ты бесчувственная!

— Любишь? — я криво усмехнулась. — Забавное у тебя представление о любви. Оно случайно не измеряется в кашемировых джемперах, купленных на деньги любовницы, пока ты изображаешь нищего страдальца?

Мама ахнула и схватила за сердце. Андрей побагровел. — Заткнись! — прошипел он, делая шаг ко мне.

Но я не отступила. Я смотрела ему прямо в глаза, и он остановился. Впервые за долгое время я не чувствовала себя жертвой. Я чувствовала холодную, звенящую ярость и про-

сыпающуюся силу.

— Убирайся из моего дома, Андрей, — повторила я так же тихо, но твердо. — Пока я не вызвала полицию. И не смей больше приближаться ни ко мне, ни к детям.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и ушла в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь. Руки дрожали, сердце колотилось где-то в горле, но я держалась. Я больше не позволю им себя растоптать.

За дверью слышались приглушенные голоса – возмущенный бас Андрея, успокаивающие причитания матери. Потом все стихло.

Вечером, сидя в тишине своей комнаты, я смотрела на экран телефона. Два сообщения, как два полюса, как два возможных пути.

Одно – от Дмитрия (уже успел меня найти в соц. сети): "Сбежим завтра из этого офисного болота на чашку кофе? ## Нужно срочно спасти твои прекрасные глаза от хандры!". Дерзкое, манящее, обещающее забытие и легкий адреналин.

Второе – от Саши: "Анжел, я волнуюсь. Если нужна будет помощь... разобраться с ним... или просто поговорить... я рядом. Просто дай знать." Тихое, надежное, обещающее поддержку и тепло.

Я смотрела на эти сообщения, и внутри боролись два желания. Опасное, искрящее любопытство, которое вызывал Дмитрий, его уверенность и напор были так не похожи на все, к чему я привыкла. И тяга к безопасному, предсказуе-

мому теплу, которое исходило от Саши, его искреннее беспокойство трогало до слез.

И тут из гостиной, где воцарилась обманчивая тишина, донесся вкрадчивый голос Андрея, разговаривающего с детьми достаточно громко, чтобы я слышала сквозь дверь. "...а потом мы с мамой обязательно помиримся, ведь мы же любим друг друга, правда? И все будет как раньше, даже лучше! Папа вам обещает! Мы поедem в самый большой парк аттракционов! Только маме нужно немного помочь... ей сейчас трудно, она устала... ей нужно быть чуточку добрее... вы же поможете папе уговорить маму, да, котята?".

Лед под ногами не просто трещал – он крошился с оглушительным грохотом. И я с ужасающей ясностью понимала – он не просто лжет мне. Он начал свою грязную игру, втягивая в нее детей. И это уже переходило все границы. Это была война. И я больше не собиралась в ней проигрывать.

Глава 4

Следующий день на работе превратился в пытку. Я сидела над макетом, пытаюсь подобрать гармоничные цвета для сайта какого-то новомодного йога-центра, но перед глазами стояла вчерашняя сцена: перекошенное от ярости лицо Андрея, его лживые обвинения, слепая преданность матери в его защиту. Холодная решимость, охватившая меня вчера вечером, никуда не делась, но к ней примешивалась глухая, изматывающая тревога. Как вышвырнуть его? Как защитить детей от его манипуляций? И главный, зудящий вопрос – зачем он здесь на самом деле? Легенда о "выброшенном на улицу" рассыпалась в прах после находки чека. Значит, есть другая причина. И что-то подсказывало мне, что имя этой причине – Виолетта.

Мысль была безумной, рискованной, но она сверлила мозг. Я должна была увидеть все своими глазами. Во время обеденного перерыва, соврав коллегам про срочную встречу с клиентом, я села в свою старенькую машину и поехала по адресу, который когда-то давно, еще в пору нашего мнимого семейного счастья, Андрей с придыханием упоминал как "резиденцию одной очень влиятельной бизнес-леди". Адрес я запомнила – женская интуиция, видимо.

Элитный пригород встретил меня тишиной, высокими заборами и безмолвными камерами наблюдения. Дом Виолет-

ты оказался даже более впечатляющим, чем я представляла: современный особняк из стекла и бетона, окруженный идеальным газоном и вековыми соснами. Чужой, холодный, неприступный мир. Я припарковалась чуть поодаль, чувствуя себя идиоткой и шпионкой из дешевого детектива. Сердце колотилось так, что отдавало в ушах. Зачем я здесь? Что я надеюсь увидеть?

И тут ворота особняка бесшумно разъехались, и на подъездную аллею выкатился ослепительно-белый спорткар последней модели – явно не тот «Мерседес», что стоял у нашего подъезда три месяца назад, а что-то еще более дорогое и хищное. За рулем сидела она – Виолетта. Идеальная блондинка, темные очки скрывали пол-лица, но надменная линия губ была узнаваема. А на пассажирском сиденье... На пассажирском сиденье, откинувшись на светлую кожу, сидел Андрей. Мой муж. Он смеялся, оживленно что-то рассказывая Виолетте, и непринужденно положил руку ей на колено. На его запястье блеснули дорогие часы – те самые, которые он якобы "оставил" у нее.

Никакого разрыва. Никакой вражды. Никакой нищеты. Это был фарс. Гнусный, тщательно разыгранный спектакль. А я – наивная дура, позволившая ему снова войти в мой дом, в мою жизнь. Руки дрожали так, что я едва смогла поднять телефон и сделать снимок. Качество было ужасным, через лобовое стекло, но их фигуры, их близость были безошибочно узнаваемы. Спорткар пронесся мимо меня и скрылся за

поворотом, оставив после себя запах дорогих духов и горький привкус предательства во рту. Зачем? Зачем ему нужен был этот маскарад?

Домой я ехала на автопилоте, внутри все клокотало от смеси ярости и унижения. Он не просто изменял мне. Он играл со мной. Использовал меня и наш дом как... как прикрытие? Перевалочную базу?

Андрей уже был дома, снова изображая заботливого отца — помогал Максусу с уроками. Увидев меня, он расплылся в своей фальшивой улыбке:

— О, вернулась! А мы тут гранит науки грызем! Тяжело дается...

Я молча подошла и положила перед ним на стол телефон с открытой фотографией. Его улыбка сползла с лица, как дешевая маска. На мгновение в его глазах мелькнул неподдельный испуг, он даже дернулся, словно хотел выбить телефон у меня из рук. Но рядом стоял Макс, и Андрей взял себя в руки.

— Что это? — прошипел он, стараясь говорить тихо, но злоба исказила его черты. — Ты что, следишь за мной?! Со всем рехнулась?! С ума сошла от ревности?!

— Просто мимо проезжала, — ледяным тоном ответила я. — Мимо дома твоей "стервы", которая тебя якобы "вышвырнула без копейки". Очень трогательное примирение после такого разрыва. Или это была деловая встреча по возврату

твоих трусов?

— Да я виделся с ней! — зашипел он, его глаза метали молнии. — Пытался забрать свои вещи! Остатки! Выпросить хоть немного денег на жизнь, потому что ты же меня выгоняешь! Она смеялась мне в лицо, унижала! А ты уже напридумывала себе невесть что! Тебе лишь бы скандал устроить!

Ложь. Наглая, беспардонная ложь лилась потоком. Он даже не пытался быть правдоподобным, просто давил агрессией, пытаясь выставить меня виноватой истеричкой. В кухню выглянула мама, привлеченная нашими повышенными тонами.

— Анжелочка, что опять случилось? Андрюша...

— Мама, молчи! — резко оборвала я ее, впервые за долгое время не позволив ей вмешаться. Я повернулась к Андрею. — Хватит лгать. Мне все ясно. Зачем ты здесь на самом деле? Что вам с ней нужно?

— Ничего мне не нужно! Кроме моей семьи! — он почти кричал, брызгая слюной. — А ты... ты все рушишь! Своими подозрениями!

Ссора разгоралась, как лесной пожар. Полетели старые обиды, взаимные обвинения. Дети испуганно жались в углу. Я чувствовала, что еще немного – и взорвусь, но усилием воли заставила себя замолчать и просто вышла из комнаты, хлопнув дверью. Спорить с ним было бесполезно. Нужно было действовать.

На работе Дмитрий удвоил свои атаки. Он словно чувствовал мое уязвимое состояние и пользовался этим.

— Анжела, выглядишь как грозовая туча перед ливнем, — заявил он, бесцеремонно присев на край моего стола. — Так не пойдет. Приглашаю сегодня на ужин. Лучший итальянский ресторан в городе. Паста, вино, приятная компания – лучшее лекарство от хандры. И никаких отказов, богиня! Тебе срочно нужна перезагрузка.

Он открыто флиртовал, его взгляд был маслянистым, а рука "случайно" коснулась моей.

Саша, проходивший мимо с папкой документов, замер на секунду, его лицо стало несчастным. Он попытался что-то сказать про срочный макет, но Дмитрий лишь лениво отмахнулся:

— Не сейчас, коллега. У нас с Анжелой намечается сеанс экстренной психологической помощи. Искусством, так сказать.

Вечером, после работы, я чувствовала себя выжатой как лимон. Ссора с Андреем, давление матери, которая теперь ходила с обиженным видом и вздыхала за каждым углом, навязчивость Дмитрия – все это смешалось в один душливый ком. Я сидела в машине у офиса, не в силах заставить себя ехать домой, в этот ад. Слезы сами собой покатались по ще-

кам. Телефон зазвонил. Саша.

— Анжел? Ты еще не уехала? Я видел свет... Ты в порядке? — его голос звучал встревоженно.

Я попыталась ответить бодро, но голос сорвался, и я рыдалась прямо в трубку, не в силах больше сдерживаться.

— Я... я сейчас приеду, — сказал он твердо. — Нет. Стой. Не так. Ты где? У офиса? Сиди в машине, я за тобой заеду через пять минут. Не надо тебе сегодня домой.

Через пять минут его машина остановилась рядом. Я пересела к нему, все еще всхлипывая. Он молча протянул мне упаковку бумажных платков.

— Куда мы? — спросила я, немного успокоившись.

— Ко мне, — просто ответил он. — Не волнуйся. У меня тихо и... безопасно. Тебе нужно выдохнуть.

Его квартира оказалась именно такой, как я и представляла: светлая, немного аскетичная, с книжными полками до потолка и идеальным порядком. Запах кофейных зерен и чего-то неуловимо спокойного. Он заварил мне чай с мятой, усадил на диван, укрыл пледом. Не лез с расспросами, просто был рядом. Мы сидели молча, и постепенно напряжение начало отпускать. Я рассказала ему все – про фото, про ссору, про ощущение западни. Он слушал внимательно, его серые глаза за стеклами очков были полны сочувствия и... чего-то еще.

— Он играет в очень опасную игру, Анжела, — сказал он

тихо, когда я замолчала. — И втягивает тебя. Тебе нельзя оставаться там.

— Я знаю, — прошептала я. — Но куда мне идти? С детьми... Мама...

Он придвинулся ближе, осторожно взял мою руку. Его прикосновение было теплым, успокаивающим.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказал он. — Вместе.

Эмоциональное напряжение последних дней, его тихая поддержка, чувство безопасности, которого мне так не хватало, благодарность — все это слилось воедино. Я посмотрела в его глаза и увидела там не только сочувствие, но и нежность, и желание. Сама не понимая как, я подалась вперед, наши губы встретились. Поцелуй был сначала робким, потом все более требовательным, отчаянным. Это была смесь накопившейся боли, страха, благодарности и внезапно вспыхнувшей страсти.

Мы оказались в его спальне, срывая друг с друга одежду в каком-то исступлении. Это была не нежность первого свидания, это была буря, попытка забыться, найти утешение, почувствовать себя живой посреди этого кошмара. Короткая, отчаянная близость на его чистых, прохладных простынях — островок тепла и человеческого контакта в ледяной пустыне моей жизни.

Потом мы лежали молча, слушая стук собственных сердец. Меня накрыло волной вины и страха. Что я надела-ла? Но одновременно я чувствовала и странное облегчение,

словно прорвало какой-то нарыв. Я была живая. Я могла чувствовать.

Я уже собиралась домой, одеваясь в полумраке его спальни, когда мой телефон, забытый на тумбочке, тихонько пиликнул, высветив экран. Сообщение с незнакомого номера. Всего одна строчка, написанная будто бы ледяными иглами:

"Держи своего кобеля на коротком поводке, если не хочешь проблем. Он слишком дорого мне обходится. В."

Холод пробежал по спине, смывая остатки тепла от Сашиных объятий. Виолетта. Она знала. Она следила? Это была угроза? Предупреждение? Или еще один ход в их непонятной, страшной игре? "Дорого обходится"... Долги? О чем она говорила? Стало ясно одно: я оказалась между двух огней, и пламя подбиралось все ближе.

♥# *Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/mZEj> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#*

Глава 5

Вечер, проведенный в объятиях Саши, не принес долгожданного покоя. Да, была страсть, было мимолетное забвение, было острое, почти болезненное ощущение того, что я все еще жива, способна чувствовать что-то, кроме боли и злости. Но вместе со всем этим вернулись страх и гнетущая неопределенность, приправленные теперь еще и чувством вины. И ледяное сообщение от "В." на экране телефона, как клеймо, напоминало: игры только начинаются, и ставки в них высоки.

Я вернулась домой довольно поздно, стараясь проскользнуть в свою комнату незамеченной. Но у двери кухни столкнулась с Андреем. Он был в том самом кашемировом джемпере. Его взгляд был тяжелым, изучающим. Он обвел меня с головы до ног, задержался на лице, на волосах, которые я спешно пыталась привести в порядок. Я старалась выглядеть как обычно – уставшей, задрганной, – но что-то, видимо, выдавало меня. Легкий румянец, не успевший сойти со щек? Или блеск в глазах, которого не было раньше? А может, просто его звериное чутье собственника, которое всегда безошибочно улавливало малейшие изменения в моем настроении, особенно если они были связаны с другими мужчинами.

— Хорошо выглядишь сегодня, — протянул он медленно, с ядовитой усмешкой в голосе. — Плодотворно провела ве-

чер? Неужели твой очкарик-программист оказался не таким уж тихоней?

Холод сковал меня. Откуда он знает? Догадался? Или это просто очередная провокация, попытка залезть под кожу? Я промолчала, пытаюсь сохранить невозмутимое выражение лица, но предательский румянец, вспыхнувший на щеках, сказал все за меня. Он усмехнулся еще шире, торжествуя. Попалась.

— Понятно, — процедил он. — Ну что ж, раз у тебя теперь есть утешитель, тебе будет легче пережить мой отъезд.

— У тебя неделя, Андрей. Ровно семь дней, чтобы собрать свои вещи и исчезнуть из моей жизни. Навсегда. — Я сказала это твердо, глядя ему прямо в глаза, хотя сердце колотилось как сумасшедшее. Фотография, сообщение от Виолетты, его наглая ложь и эта последняя мерзкая догадка — все это слилось в один мощный заряд холодной ярости.

Он опешил от моей внезапной атаки, от ультиматума. Но быстро оправился. Лицо исказилось злобой.

— Неделя?! Ты меня выгоняешь?! На улицу?! Как ты смеешь?! Да я... Да я всем расскажу, какая ты! Думаешь, твоему этому прыщавому Ромео нужна гулящая баба с двумя прицепами?! А дети?! Ты подумала о детях?! Я подам в опеку! Докажу, что ты аморальная, неспособная их воспитывать! Я отберу их у тебя, слышишь?!

Шантаж. Грязный, низкий шантаж. Он бил по самым больным точкам, зная мои страхи. Но что-то во мне уже сло-

малось. Или, наоборот, закалилось. Страх был, но он уже не парализовал.

— Попробуй, — тихо ответила я. — Только учти, Андрей, война так война. И у меня тоже есть что рассказать. Например, о твоих долгах. И о твоей... тесной дружбе с Виолеттой. Интересно, как на это посмотрят в опеке? Или твои кредиторы?

Он осекся, в глазах мелькнул страх. Я попала в цель.

На работе Дмитрий был само обаяние, смешанное с хищным напором. Он словно не замечал моего подавленного состояния, или же оно его только раззадоривало.

— Анжела, сегодня вечером ты идешь со мной, — заявил он безапелляционно, перехватив меня у кулера. — Никаких отговорок про детей, мигрень и горящие дедлайны. Шикарный лаунж-бар на крыше небоскреба, панорамный вид, коктейли, легкая музыка. Тебе нужно развеяться, сменить обстановку, почувствовать себя женщиной, а не загнанной лошадью.

— Дмитрий, я не...

— Я настаиваю, — он понизил голос, его взгляд стал почти гипнотическим. — К тому же... у меня есть кое-какая информация, которая может тебя заинтересовать. Касательно твоего... бывшего.

Это была приманка. Опасная, но соблазнительная. Что он мог знать? Вечером я сидела напротив него в полумраке ба-

ра, огни ночного города отражались в стеклах панорамных окон. Коктейль был крепким, музыка – обволакивающей.

Дмитрий рассказывал о своих успехах, связях, возможностях, рисовал картины роскошной, беззаботной жизни. А потом, придвинувшись ближе, попытался меня поцеловать – не так неуверенно, как Саша, а властно, требовательно. Я сначала опешив, приняла поцелуй, но затем отстранилась, сердце заколотилось от смеси страха и странного, темного влечения к его силе.

— Боишься? — усмехнулся он, не сводя с меня глаз. — Или верность своему тихоне-спасителю хранишь? Зря... Он тебя не защитит. А я – могу. От всего. От бывшего, от проблем... Нужно только попросить. И... быть благодарной.

Его слова, его взгляд – все говорило о том, что его помощь будет иметь свою цену. И я не была уверена, что готова ее платить. Я вежливо, но твердо отказалась от продолжения вечера и уехала, чувствуя на спине его изучающий, чуть насмешливый взгляд.

Утром следующего дня я стала свидетельницей неожиданной сцены. Выходя из кабинета, я увидела, как в коридоре у лифта разговаривают – вернее, напряженно переглядываются – Саша и Дмитрий. Я замедлила шаг, прислушиваясь.

— Я прошу вас оставить Анжелу в покое, — говорил Саша. Голос его был тихим, но неожиданно твердым, без обычной робости. Он стоял прямо, не отводя взгляда от насмешливого лица Дмитрия. — Ей сейчас не до ваших... ухажива-

ний и игр. Будьте человеком.

Дмитрий расхохотался ему в лицо, громко, вызывающе.

— Ого! Какие мы смелые! Рыцарь нарисовался! Защитничек! Ты что, всерьез думаешь, что можешь мне указывать? Или что ей нужен такой... — он смерил Сашу презрительным взглядом, — как ты? Не смей меня, программист. Иди код пиши, не лезь не в свое дело.

Но Саша не сдвинулся с места. В его серых глазах за стеклами очков горел холодный огонек.

— Я предупредил, — тихо сказал он и, не оборачиваясь, ушел к своему рабочему месту.

Дмитрий проводил его злым, задумчивым взглядом. Кажется, тихий Саша его удивил. И меня тоже.

Эта сцена, вкупе с сообщением от Виолетты и тупиком с Андреем, подтолкнула меня к отчаянному шагу. Я снова поехала к особняку Виолетты. На этот раз я не стала прятаться. Я позвонила в калитку. Охраннику у интеркома я сказала, что у меня информация для хозяйки относительно Андрея Кравцова. К моему удивлению, через пару минут меня впустили.

Меня провели через огромный, стерильно-белый холл в гостиную, больше похожую на зал современного искусства — минимум мебели, максимум стекла, металла и абстрактных полотен на стенах. Холодно, безжизненно, дорого. Виолетта ждала меня, сидя в глубоком дизайнерском кресле. Она была без темных очков, и ее глаза оказались светло-голубыми,

почти прозрачными, и такими же холодными, как интерьер этого дома. На ней был шелковый халат цвета шампанского, волосы идеально уложены, на пальцах сверкали бриллианты. Она даже не предложила мне сесть.

— Говори, что у тебя, — ее голос был ровным, безэмоциональным. — У меня мало времени.

— Зачем он вернулся ко мне? Что вы задумали? - спросила я прямо, без предисловий.

Виолетта чуть заметно усмехнулась, отпивая что-то из тонкого бокала.

— А ты как думаешь? Твой бывший муженек – ходячая катастрофа. Он проиграл в карты (и не только в карты) чудовищную сумму. Моих денег. Которые я ему неосторожно доверила. И теперь он ищет способы их вернуть. Твоя квартира, твои возможные сбережения, давление на тебя через детей... Он решил, что ты – его спасательный круг. Мило, не правда ли?

— И ты позволила ему разыграть этот спектакль с вашим разрывом?

— Почему нет? — она пожала плечами. — Мне нужно вернуть свои деньги. Если он вытрясет их из тебя – прекрасно. Не вытрясет – его проблемы станут гораздо серьезнее. К тому же, забавно наблюдать за его метаниями. Он думает, что это он играет со мной, со всеми вами... Но играет он по моим правилам. Твой Андрей – всего лишь пешка, Анжела. Глупая, жадная, трусливая пешка. Жаль только, что он веч-

но путается под ногами.

Она говорила об Андрее с таким ледяным презрением, что у меня по спине пробежал мороз.

— Спасибо за информацию, — сказала я, поворачиваясь к выходу.

— Не стоит благодарности, — бросила она мне в спину. — Просто убери его из поля зрения. Он начинает меня раздражать.

Вечером дома меня ждала новая буря. Мать встретила меня на пороге с перекошенным от гнева и слез лицом.

— Ты... Ты... Как ты могла?! — задыхаясь, выкрикнула она. — С этим... очкариком! В чужой квартире! Переспала! Мне Андрей все рассказал! Позорище! Стыд! Гулящая! А дети?! Что ты детям скажешь?! Разрушила семью, мужа выгоняешь, сама по мужикам таскаешься!

Видимо, Андрей не упустил случая использовать свое "открытие". Ссора была страшной. Летели обвинения, оскорбления, старые обиды выплескивались наружу грязным потоком. Мать была в истерике, обвиняя меня во всех смертных грехах, кричала, что я недостойна своих детей, что я разбиваю ей сердце. Я пыталась объяснить, кричала в ответ, что Андрей — предатель и лжец, что он использует нас всех, что он в долгах... Но она не слышала. Или не хотела слышать.

— Я не позволю тебе разрушить жизнь Андрюшеньке! — визжала она. — Он отец твоих детей! Он одумался! А ты...

ты просто эгоистка!

— Мама, если ты выбираешь его, можешь уходить вместе с ним! — выпалила я в отчаянии, доведенная до предела. — Я не буду жить в этом аду! Ни дня больше!

В этот момент в дверях появился Андрей. Маска страдальца снова была на нем. Он подошел ко мне, заискивающе заглядывая в глаза.

— Анжел, прости... Прости, что наговорил матери... Я был не прав... Я просто... боюсь тебя потерять. Да, у меня проблемы. Финансовые. Временные! Эта стерва Виолетта меня подставила, обобрала! Мне нужно немного времени, понимаешь? Немного денег, чтобы разрулить ситуацию. Помоги мне, Анж! Ради детей! Умоляю! Я все верну! Слово даю! И уйду, честно уйду, как только встану на ноги. Ну пожалуйста...

Он стоял передо мной, жалкий, загнанный в угол, но его глаза бегали, и я видела в них не раскаяние, а лишь холодный расчет и страх перед Виолеттой и ее методами возврата долгов. Еще одна манипуляция. Еще одна попытка использовать меня.

Но я уже знала правду. И знала, что пощады не будет. Ни ему, ни мне.

Глава 6

Утро началось не с кофе, а с холодного душа реальности. Мой ультиматум, брошенный Андрею неделю назад, был им проигнорирован с той же легкостью, с какой он игнорировал все мои чувства и границы последние месяцы. Он по-прежнему был здесь, в моей квартире, вел себя как хозяин, отравляя воздух своим присутствием и ложью. Но что-то изменилось во мне. Ночь наедине со своими страхами и унижениями, страшное откровение Виолетты – все это выжгло остатки сомнений. Пора переходить от слов к действиям.

Когда Андрей вышел из ванной, благоухая моим шампунем и явно ожидая привычного утреннего напряжения, я встретила его в коридоре. Спокойно, почти бесцветным голосом, я сообщила:

— Раз ты не понял по-хорошему, Андрей, придется действовать иначе. Мой адвокат сегодня направляет тебе официальное уведомление о необходимости немедленно освободить мою квартиру. Все вопросы по разделу долгов и прочим формальностям незавершенного развода будем решать через суд, но твое физическое присутствие здесь заканчивается. Если вздумаешь остаться, полиция будет извещена о твоём отказе покинуть помещение.

Он замер, его лицо побагровело. Исчезла всякая фальшивая мягкость, осталась только неприкрытая злоба хищника,

которого лишают добычи. Он знал, что квартира моя, это было оговорено еще при покупке, задолго до его измены. Поэтому он не стал оспаривать право на жилье, а ударил туда, где было больнее всего.

— Ах ты тварь! — прошипел он, понизив голос до угрожающего шепота. — Решила меня вышвырнуть?! Думаешь, я позволю?! Я расскажу всем, какая ты! Твоему новому хахалю, твоим клиентам! Я пойду в опеку! Расскажу, как ты ночами шляешься неизвестно где, пока дети с бабушкой! Докажу, что ты неадекватная истеричка, опасная для собственных детей! Я их у тебя отберу, Анжела! Слышишь?! Ты останешься одна, никому не нужная! Попомни мои слова!

Угрозы были ожидаемы, но все равно ударили под дых. Страх за детей ледяной змеей скользнул по позвоночнику. Но я не отступила.

— Делай что хочешь, Андрей. Адвокат предупрежден и об этом. А теперь — убирайся с моей дороги.

Дни превратились в тягучий кошмар. Андрей ходил по квартире чернее тучи, периодически взрываясь криками или пытаясь манипулировать детьми, настраивая их против меня. Мать поддерживала его молчаливым осуждением и мелкими пакостями — "случайно" пролитый сок на собранные для него вещи, "потерянные" ключи от кладовки, где оставались его старые инструменты. Атмосфера в доме стала удушливой, ядовитой.

На работе тоже было не легче. Срочный и важный проект, который курировал Дмитрий, требовал совместной работы, часто допоздна. Мы сидели в опустевшем офисе, свет горел только над нашими столами, за окном лил дождь. Тишина нарушалась лишь стуком клавиш и шелестом бумаг. Я старалась сосредоточиться на макете, игнорируя присутствие Дмитрия, сидевшего рядом и склонившегося над чертежами.

В какой-то момент его рука легла мне на плечо, якобы чтобы лучше рассмотреть экран. Я напряглась, но не отодвинулась, списав на рабочую обстановку. Но пальцы задержались, погладили плечо, потом скользнули ниже, к лопатке. Я замерла.

— Ты молодец, Анжела, — сказал он тихо, его голос был вкрадчивым, почти интимным. — Талант. И сильная женщина. Но даже сильным иногда нужна помощь... защита...

Его рука двинулась снова, теперь уже вперед, "случайно" задев мою грудь. Я резко втянула воздух, но промолчала, глядя в монитор и делая вид, что полностью поглощена работой. Сердце заколотилось. Он повторил движение, на этот раз более уверенно, его пальцы медленно прогулялись по всей поверхности левой груди сквозь ткань свитера.

— Я ведь говорил, что могу решить твою проблему с бывшим, — прошептал он мне на ухо, его дыхание опалило кожу. — Нужно только быть... хорошей девочкой. Понимающей.

Теперь его рука скользнула под стол, легла на мое колено, а затем медленно, нагло поползла вверх по ноге, под край строгой юбки. Я застыла, кровь ударила в виски. Рука двигалась выше, пальцы касались внутренней стороны бедра. Отвращение боролось с липким страхом и отчаянной, унижительной мыслью: "А вдруг он не блефует? Вдруг он действительно может заставить Андрея исчезнуть?". Это была ловушка, грязная, мерзкая, но я была так измотана, так загнана в угол, что даже эта иллюзия спасения казалась соломинкой.

— Мне нужны... подтверждения, — выдавила я, не поворачивая головы, глядя на светящийся экран невидящими глазами. Голос был чужим, сиплым. — Делом, а не словами.

Его рука замерла на моем бедре, очень близко к краю кружевного белья.

— Я серьезный игрок, Анжела, — промурлыкал он мне в самое ухо. — И я всегда держу слово. Особенно, когда мотивация... правильная. Поверь, твой бывший получит такое предложение, от которого не сможет отказаться. Он забудет дорогу к твоему дому. И к твоим детям. Очень быстро. - его пальцы начали оттягивать край трусиков, освобождая путь к самому сокровенному.

Я резко встала, едва не опрокинув стул. Его рука соскользнула.

— Мне нужно идти, — пробормотала я, собирая сумку дрожащими руками.

Я уже была у двери, когда услышала его голос за спиной

— тихий, вкрадчивый, полный ядовитой власти:

— Анжела... Докажи, что ты тоже серьезно настроена. Что ты готова... сотрудничать. Прямо сейчас. Сними свои трусики. Оставь их мне. Здесь. На полу. И я все сделаю. Обещаю.

Я замерла на пороге, спиной к нему. Мир сузился до стука крови в ушах и ощущения его взгляда, прожигающего спину. Шок. Унижение. Омерзение к нему, к себе, к этой ситуации. Хотелось развернуться и вклепить ему пощечину, выкрикнуть все, что я о нем думаю. Но вместо этого...

Вместо этого сработал какой-то чудовищный, иррациональный инстинкт самосохранения, смешанный с отчаянием. А вдруг это единственный шанс? Цена за спокойствие детей? За избавление от Андрея?

Не поворачиваясь, глядя прямо перед собой на темный коридор, я быстро, почти судорожно задрала юбку. Обновив свои ягодицы, лихорадочно стянула вниз тонкую полоску кружева и бросила ее на пол у своих ног.

Маленький, белый комочек на темном офисном ковролине. Не оглядываясь, я вылетела из кабинета, из офиса, на улицу, под холодный дождь, который не мог смыть ощущения грязи и жгучего, невыносимого стыда.

Но и странного возбуждения. И за это я ненавидела себя больше всего.

Дома меня ждал новый удар. Звонок из службы опеки. Ледяной, официальный голос сообщил об "анонимном сиг-

нале". О том, что дети Кравцовых живут в неблагоприятной психологической обстановке, что мать, Анжела Кравцова, предположительно, ведет аморальный образ жизни, отсутствует по ночам, в доме постоянные скандалы, свидетелями которых становятся несовершеннолетние... Андрей перешел от угроз к действиям. Он бил прицельно, пытаясь отнять самое дорогое.

Это стало последней каплей. Точкой невозврата. Предел был достигнут. Пока мать заламывала руки и причитала, какой позор на их седую голову, как она теперь будет смотреть в глаза соседям, я молча прошла в свою комнату. Сердце колотилось глухо, как пойманная птица. Выхода не было. Вернее, он был только один. Я набрала номер Саши.

— Саша? Это я. Твое предложение... оно еще в силе? Переехать к тебе? С детьми? Прямо сейчас? Временно?

— Анжела! Господи! Конечно! Да! Я за вами заеду хоть сейчас! Что случилось? — его голос был полон тревоги и готовности помочь.

— Потом расскажу. Пожалуйста... быстрее. Спасибо тебе... — голос сорвался.

Я лихорадочно начала собирать самые необходимые вещи в одну большую сумку — документы, сменную одежду для себя и детей, аптечку, плюшевого зайца Ани, планшет Макса. Дети, разбуженные шумом и напряжением, испуганно жались ко мне. Я шептала им, что мы просто поедем в гости к дяде Саше на несколько дней, что все будет хорошо.

В этот момент в комнату ворвался Андрей. Он был бледен как полотно, глаза безумно метались. В руке он сжимал телефон, на экране которого я успела заметить фотографию разбитой фары дорогой машины и короткую, зловещую подпись под ней: "Время вышло. Жди гостей. Верни долг."

— Ты... Ты это устроила?! — прохрипел он, хватая меня за плечо так, что я вскрикнула от боли. — Это твои дружки?! Тот хмырь с работы?! Или кто?!

— Убери руки! Псих! — я вырвалась, отталкивая его. — Это твои проблемы, Андрей! Твои долги! Твои игры! Разбейся сам! А мы уходим!

Мой телефон снова зазвонил. Саша.

— Анжел, я внизу. У подъезда. Выходите скорее.

Андрей смотрел на меня безумными, полными ужаса глазами. Угроза стала реальной, она дышала ему в затылок прямо из его телефона. Он был в ловушке, которую сам себе вырыл. А я... я сделала свой выбор. Я взяла за руки испуганных, но притихших детей.

— Да, Саша. Мы выходим.

За дверью квартиры уже слышался его быстрый шаг по лестнице, его голос, зовущий меня. А где-то там, внизу, у подъезда, возможно, уже останавливалась другая машина. Не Сашина. Машина тех, кто пришел за долгом Андрея. Точка невозврата была пройдена. Вопрос был лишь в том, успеем ли мы скрыться до того, как здесь начнется кровавая буря.

Глава 7

За дверью квартиры Саши хаос внешнего мира словно растворился, сменившись оглушающей, почти стерильной тишиной. Мы стояли в прихожей – я, двое моих испуганных детей и он, наш неожиданный спаситель, с двумя объемистыми

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.